

STELLA
Германия-2012

Я₃₀

© Нина Ягодинцева. Вишенье. Стихи.

Выпущено при содействии Международной гильдии писателей — International Guild of Writers — Internationale Schriftstellergilde.

<http://schriftstellergilde.org>

Германия: STELLA, 2012.

© Все права защищены.

© Дизайн обложки и верстка: В. Цветков.

Книга выходит в авторской редакции.

ISBN 978-3-944121-10-9

Verlag «STELLA»
Deutschland

Нина Ягодинцева

Вишеньє

* * *

О, эта жизнь захватывает дух
В неумолимый плен,
Не хлеб, но лёгкий тополиный пух
Даря взамен!

Протянешь руку – он летит в испуге прочь,
Замрёшь – и вот,
Наивный страх пытаюсь превозмочь,
Он льстит и льнёт.

И как посмеешь этот дар принять?
А не принять?..
Боишься крылышки ему примять –
Учись пленять,

Как эта жизнь – жестоко и легко,
Одной тоской.
Как этот пух, которого легло
Невемо сколь.

* * *

В терпких, вороньих, ворованных сумерках,
Словно в замызганных клетчатых сумках, –
Яблоки, яблоки, солнечны, крутобоки:
Смятые листья, надорванные оборки,
Синее кружево с тёмною позолотой...

Вспомни меня в саду Твоём за работой
Дотемна, до вороньих, до сладкой усталости –
В августе, Господи, когда яблоки выспели,
Ветви от тяжести вытянулись до хруста
И невозможно печалью не задохнуться.

* * *

Внезапный снегопад остановил часы.
Лавиною сошел с невидимой вершины!
Как занавес, упал – застыли, недвижимы,
Привычные черты привычной суеты.

Нам некуда идти. Сырым тяжёлым гнетом
Деревья клонит ниц до хруста в позвонках.
И то, что вознесли до неба на руках,
Теперь лежит в грязи, плывёт холодным потом.

Всё будет хорошо. Растает, зарастёт,
Запустим время вновь – пойдут по кругу стрелки
На башне городской в золоченной тарелке –
Но этот снегопад, и ужас, и восторг

Останутся как весть о грозном, несказанном,
О родине стихов, о лежбище лавин,
Чей лёгкий синий флаг летит, неуловим,
И поднимает ввысь легко, одним касаньем.

* * *

Русское солнце, дорожное, скудное светом...
Очи в слезах – только я не узнаю об этом.
Грошик серебряный – хлеба купить, или просто
В стылую воду забросить с Калинова моста?

Дайте вернуться опять по старинной примете
В эти скупые края, где серебряно светит
Русское солнце, плывущее хмарью февральской,
Детское сердце терзая тревогой и лаской! –

Русское солнце! Холодное, ясное, злое,
Словно присыпано давнею белой золою,
Словно обмануто, брошено, но, воскресая,
Из кисеи выбивается прядка косая.

Медленно-медленно, свет собирая по искрам,
Я проникаюсь высоким твоим материнством:
Это душа твоя ищет меня, как слепая,
Бережным снегом на тихую землю слетая...

* * *

Ива как люстра сияет усталому небу предместья,
И мотыльками слетается в ласковый свет малышня,
И запоздалое, горькое чувство обиды и мести
Медленно-медленно, но покидает меня.

Богу, наверно, виднее, пока эта люстра сияет
Зеленью, золотом, нежностью или сырой пустотой:
Он в октябре осторожно летучее пламя снимает,
Чтобы себя не обжечь и её не нарушить покой.

Он озабочен, наверно, цветными её мотыльками –
Всё бы огонь им разглядывать,

смуглые лапки тянуть...

Он иногда раздвигает ветвистую крону руками,
Чтобы на них беспокойно и
нежно поближе взглянуть.

Что ж, заводская общага, по-чёрному пьющая пойло,
В слабые жилы вонзающая пыточную иглу, –
Плачь, но живи, если Бог полагает, что стоило
Иву как люстру зажечь и в этом печальном углу.

* * *

Непогода пришла как отряд батьки Махно:
Гогоча,
 из горла прихлёбывая,
 прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние
 из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там –
 ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся –
 родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь –
 родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где – если заплачешь, в сердцах оборвут:
 не пой!

А замёрзнешь, тряхнут за шиворот:
встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых!
Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрёстке
иных дорог
Свернут напоследок сигарку:
курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если всё –
зола?
О смерти ли, если даже махра –
сыра?

Крайнему:
докурите, а мне – пора.

* * *

В печали ты ясна, а в радости жестока.
Но я тебя люблю и помню лишь о том,
Как сладко пить вдвоём твоё вино восторга,
С неведомой войны вернувшись со щитом.

В печали ты ясна, в печали ты прозрачна,
И тайной глубиной мерцаешь, как звезда –
Но страшно пить вдвоём твоё вино удачи:
Ты выбираешь раз и губишь навсегда.

Не родина, не мать – одной любви под силу
Простор твоей души, пожар твоей крови.
Но только для тебя я эту жизнь просила,
И отдаю тебе – как хочешь, так крои.

В печали ты ясна – я повторяю это
Как заклинанье – вслух, и вся печаль во мне
Восходит словно свет, а то, что прежде света,
Жемчужным холодком покоится на дне...

* * *

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьи окрики возникших,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Нощи...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочитать нельзя,
И силятся вздохнуть и распрямиться.

* * *

Ольге Никифоровой

Тает воск от лица огня,
И за воздухом, как за тканью,
Жизнь таинственная меня
Опалает своим дыханьем.

Золотится её пушок
Над высокими тополями.
Прикасаешься – словно шёлк,
А вдохнёшь – и взлетает пламя.

Светел храм, где свеча свечу
В тишине узнаёт по свету,
По молитвенному лучу,
Нисходящему словно сверху

И вплавляющему во плоть
Ненадёжную, восковую
Всё, что мыслил во мне Господь,
Всё, что я в небесах взыскую.

* * *

Выходя из маршрутки
у базара или вокзала,
«Ты высокий как небо» –
цыганка ему сказала
И пошла,
загребая подолом сухой снежок,
У бродячей судьбы
золотой забирать должок.

А водила...
Водила до первого поворота
На дорогу глядел
и лыбился кривороту,
И дышало небо в крутое его плечо
Равнодушно разгневанно,
холодно горячо.

* * *

Ещё в осеннем, выйдя из-под
Сырого снежного крыла,
Поблёскивая золотисто,
Речушка мелкая спала,

Как будто с неба в сон упала,
Как будто всю впитала тишь...
Но задышал весенним палом
Сухой обветренный камыш –

И волны мечутся, и мнутя,
И задыхаются у дна:
О, как боится прикоснуться
К спалённым берегам она...

* * *

Пади, вечерняя роса,
Роса вечерняя!
Прости за всё, за что нельзя
Просить прощения!

Пади, как падают в поклон
Пред виноватыми,
Сырой подол беря в полон
Лесными мятами!

Не зёрнышком среди хлебов,
Не рыбкой в неводе –
Пади, как падает любовь
Под ноги нелюби,

Пади на травы и цветы
Горючей влагою –
И он опомнится: «Да ты
Сегодня – плакала?..»

ДРАХМА

Владимиру Недашковскому

Я прежде жила у моря, и море пело,
Когда я к нему сходила крутою тропкой,
Тёплой пылью, розовыми камнями,
Сухой и скользкой травой, щекотавшей пятки.

Море было обидчивым и ревнивым,
Безрассудным и щедрым – оно дарило
Диковинные раковины и камни...

Однажды оно швырнуло к ногам монету –
Так ревнивец бросает на пол улику
Измены, которая будет ещё не скоро,
Но он предвидит судьбу и её торопит,
Бессильным гневом своё надрывая сердце.

Я подняла монету. Тяжёлый профиль
Неведомого царя проступал и таял
На чёрном холодном диске. Рука застыла,
Как бы согреть пыталась морскую бездну.

Какими тайными тропами сновидений
Нашёл меня этот образ? Какой галерой

Везли его? Какие шторма разбили
Скорлупку судна, посеяв зерно в пучине?
Каких ожидали всходов тоски и страсти?

Море лежало ничком и казалось мёртвым.
Прошлое стало будущим и забыло
Меня, легконогую, в грубом холщовом платье.

Я молча поднялась по тропинке к дому.
Мать не обернулась, шагов не слыша.
Занавес не колыхнулся, и только солнце
На миг почернело: это жестокий профиль
Едва проступил – и тут же сторел бесследно...

...Теперь я живу далеко-далеко от моря.
Мы виделись лишь однажды. Будто чужие,
Мы встретились и расстались. Но я не помню
Тысячелетия нашей разлуки – значит,
Рим не царил, не горел, не скитался прахом
В небе и на земле. Просто я проснулась –
И позабыла сон. Только этот профиль,

Всеми страстями обугленный, проступает
Сквозь невесомую ткань моего забвенья –
Словно к ней с другой стороны подносят
Чёрный огонь чужого воспоминанья...

* * *

Г. П.

Однажды в горы уходят последний раз.
Чтобы вернуться в город и жить как все.
Идут к вершине, не поднимая глаз
В солёной росе.

Обычно в такую дорогу берут детей,
Словно передавая вечную страсть.
Дабы, живя в зелёных долинах, те
Знали: можно взлететь, а можно – упасть.

У каждой вершины есть имя. Она одна.
У каждой вершины – каменных толщ оплот.
Под каждой вершиной – дремучая глубина
Болот.

Когда наступает час возвращаться вниз,
Час, не обманувший тебя, – тогда
Дети кричат и смеются: отныне в них
Бьёт крыльями высота.

ГОСТИ

И вина-то всем достанется,
И швыряют хлеб собакам.
Среди гула и беспамятства
Белым воском пол закапан.

Что за пир – а мы не позваны,
И не знают нас по имени,
Но с мороза щёки розовы
И ресницы в чёрном инее.

Рукава бобром опушены,
Пальцы струнами запутаны,
Очи строгие опущены –
За собою не зовут они.

Веселы, да не потешные,
Мы уйдём от вас в распутицу.
Наши песенки – нездешние,
Наша быль – не скоро сбудется.

ОХОТНИКИ НА ХИМЕР

А.П., с воздушной почтой

1.

Воздушная почта – надёжная почта. И вести
Летят непрерывно, и там, где путей перекрестья,
То звёзды горят, то всю полахают созвездья.
Сегодня мы вместе. Но только сегодня мы вместе.

2.

Подкидыш, пасынок, паскуда!
Рычишь и скалишься, покуда
В водичке мутной есть улов...
Но жизнь не сваря, мир – не зона,
И мы храним его бессонно –
Мы ходим стражей между снов
И, вглядываясь в лица спящих,
Вниз головой во тьму летящих,
Неразличимые почти,

Мы входим в чёрные зрачки,
Распяленные, как тоннели,
Животным ужасом... Сквозь них
От века в этот мир летели
Создания миров иных –
Крылами своды задевая,
Вонзая перьев сталь и медь
В глазное дно... Так жизнь живая
Глядит в свою живую смерть
И узнаёт её, не смея
Открыть или закрыть глаза,
В зрачке сжимая птицезмея,
Паукольва, ящеропса...
Ты полагаешь, это странно?
Слабо увидеть наяву,
Как эти твари мнут траву
В Центральном парке у фонтана?

3.

Ты видишь – это их следы:
Асфальт продавлен и раскрошен.

Они – посланники беды,
Гнездящейся в далёком прошлом,
Но приходящей в тёмный сад
На бал, на выпас, на расправу...

Ты знаешь, что такое ад?
Боль подвергается расплаву
И превращается в металл.
Когда бы ты об этом знал,
Не стал бы лгать себе так честно.

Когда б тебе открылась бездна –
Ты запер бы ворота в сон.

Дай руку! Прыгай на газон!
Теперь за мной. Так ты не видел,
Чем в полночь полнится фонтан?
Смотри – хромой чугунный идол
Ворота сторожит вон там,
Где все они уже толпятся
И выдыхают жирный чад.
Их перепончатые пальцы

Сквозь прутья частые торчат,
Их глотки клёкотом и рёвом
Взрывают ночь, вздымают дым.
Смотри – ты ими очарован.
Смотри: ты поклонялся им.

4.

Нас укрывает только тишина.
Ты полагаешь, я была должна
Принять твои предательства? И молча
Простить тебя? Ну нет! Сегодня ночью
Прошествоуют садовою тропой
На затяжной кровавой водопой
Чудовища твои! Смотри, как слизь
Неотвратимо разъедает жизнь,
Как, осыпая чешую и перья
На каменных дорожках и мостах,
Идут тобою вскормленные звери,
Идут твои бессилие и страх.

Да, по утрам сюда детей приводят,
К фонтанам, на дорожки, на траву,
Но камень сохраняет смертный холод
И продолжает бредить наяву.

Вот лук – держи. Серебряной стрелой,
Светящейся лучом в ночи сырой,
Во тьму меж крыл старательно прицелься –
Там у химеры что-то вроде сердца,
Котёл углей... Оттуда дым и смрад,
Когда они друг с другом говорят.

Дрожишь? Роняешь стрелы? Прячешь взгляды?
Их слишком много на дорожках сада:
Один удар любой из этих лап –
И всё.

Да я уже сказала: слаб
Подкидыш! Дай стрелу. Уйди за спину.
Учись: я на мгновение застыну
Меж двух ударов сердца наяву –
И отпущу тугую тетиву.

5.

Как тут не оглохнуть от дикого смрадного крика!
Ворота открыты. Мы встанем и выйдем открыто,
У всех на виду. Ничего, никого не боюсь.
У этих химер вместо крови – холодная грязь.

Идём, же, идём! Не смотри и не бойся расплаты –
Сквозь молнии взглядов и рёва глухие раскаты
Идём! За спиною, в кромешной звериной тоске,
Химера сдыхает на грубом садовом песке,
И крылья её темноту полосуют в лохмотья...

Ты был на охоте. Запомни: ты был на охоте.

6.

Ночь удалась. Охота удалась.
Теперь ступай. Твоя добыча – ужас,
И с этим надо жить. И каждый раз
Ты будешь видеть, как вопят и кружат

Химеры снов, чудовища глубин
Сознания твоего. И ты один
Пойдёшь сквозь ночь,
и жизнь, и поле брани,
И тьма дымиться будет в каждой ране
Души твоей.
Прости. А мне пора.
Мы всё-таки дожили до утра.

7. (P.S.)

Живи, если хочешь – такая удача редка.
Пиши, если сможешь.
Воздушная почта мгновенна.
Немыслимый ветер опустится вдруг на колено,
Листочки твои перехватит незримо рука
И будет держать на весу, будто стаю в полёте...
Ты был на охоте. Запомни: ты был на охоте.

* * *

Июль, расхристанный под грозами,
Прибитый молниями к стенам,
Змеится ввысь тревожно-розовым,
Животрепещущим растением.

Идёшь и дышишь океанами
И выдыхаешь бессловесно,
Не смея знать, какими ранами
Немая мучается бездна...

И вдруг на раскалённой улице
В толпе – невидимые двое,
Они смеются и целуются,
И ночь у них над головою –

С такими звёздами нездешними,
В такой немислимой печали,
Как будто окна занавешены,
А свет ещё не выключали...

* * *

Останься – ведь любишь,
останься хоть жилкой
Запястья, ручья, – прорасти камышинкой,
Поймай переливчатый воздух весны
На острую вспышку небесной блесны!

Останься, не мучай. Молчаньем, украдкой,
Разжатой ладонью, растрёпанной прядкой,
Тетрадкой – раскрытой, чтоб вырвать листок...
Хотя бы дословно. Хотя бы меж строк.

И даже не трепетом воздуха – крылья
И так осыпаются радужной пылью –
А просто пробелом, горящим мостом
Для тех, кто на этом краю – и на том...

* * *

Покуда нет в тоске таинственного брода,
Пока она стоит, как тёмный океан,
И ты на берегу, и так проходят годы,
Тебя из тишины зовя по именам –

Покуда нет в тоске ни паруса, ни лодки,
И скользкого бревна не вынесет прибой,
И все слова пусты, и все надежды кротки,
И ты на берегу, и только Бог с тобой –

Покуда нет в тоске рассвета и заката,
Зелёный сумрак сна и каменная гладь,
Всё кажется: тебе какой-то смысл загадан,
И если ты его сумеешь отгадать –

Как посуху пойдёшь! И только Бог с тобою,
Когда из глубины, незримые почти,
Проступят как прожгут пучины под стопою
Диковинных существ холодные зрачки...

* * *

Город холодом набит
Как мешок хрустящей ватой.
Не туманит, не знобит,
Но пылаешь виновато:

На Рождественский мороз,
На Крещенские оковы
Столько радости пришлось –
Нестерпимой, родниковой,

Обжигающей уста,
Занимающей дыханье
Как дитя или звезда
Или свет под слабой тканью

Ежедневной суеты,
Наспех сотканной вручную
За мгновенье до беды,
За полшага в жизнь иную...

* * *

Ребёнок рябины, веснушчатый, ломкий,
Неловко расставивший локотки,
На цыпочки встал у разломанной лодки,
У тёмной реки.

На цыпочках, вытянув тонкую шейку,
Глядит зачарованно, не дыша,
На тихую воду, малиновый шелест,
Туман в камышах.

Аукают няньки, бегут на опушку –
Нашли! Обнимают, теребят, грозят
И горькие щёчки целуют: неужто
Не хочешь назад?

Не след бы младенцу стоять у затона,
Где прошлая тайна его сторожит –
Ему, несмышлёному, слишком знакомо,
Как вечность бездонна,
Как время бежит.

* * *

Когда это было, в каком году и в каком бою?
Мне кажется иногда, что в самом раю,
Где мёртвые живы и так беззащитно спят...
Где ты до сих пор над победой своей распят.

Я повзрослела рано, а ты был сед,
Как будто сверху случайно пролили свет,
Пригоршню света – прямо у той черты,
Где встретились мы, и навеки остался ты.

Когда это время гостит у меня во сне,
Я снова встаю с тобою спина к спине,
И вечность проходит, и в очи не посмотреть:
Ведь если это любовь, то она же – смерть.

Откуда ты знаешь, где я живу сейчас,
Как жду я этого сна, не смыкая глаз?
Когда ты прильнёшь устами к моим губам –
Я снова проснусь, а ты останешься там.

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И заматают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны
Тьмю немислимой усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

Июльский ливень лип, рискующий пролиться,
Держащий на весу немислимую цветь...
Как слёзы на глазах наивного провидца,
Сквозь молодую жизнь увидевшего смерть.

Всё камень и металл – но липы вдоль проспекта,
И предвечерний час – над ними, на весу.
Всё музыка вокруг – и ничего не спето,
И я иду одна и музыку несу.

Вот-вот сорвёт струну растерянного взгляда,
Вот-вот обрушит мрак и ливень разольёт,
И цвет собьёт в траву, и жёлтой каплей яда
Горячая луна над городом взойдёт!

Но если удержать, не покачнувшись, если
Всей музыкаю стать, всей дождевой водой,
Опомнишься: они из вечности воскресли
Для радости твоей, со-бытия с тобой.

* * *

На том берегу Юрюзани,
Словно уже на небе,
Избы стоят высоко.

Мостиком в три дощечки,
Тропкой по косогору –
Разве туда взберёшься?

Речка бежит и плачет
К морю, как будто к маме –
Сбиты её коленки.

Платьице пенит ветер,
Выгоревшие прядки
К мокрым щекам прилипли.

Смотришь так отрешённо,
Словно душа узнала,
Куда ей потом вернуться.

* * *

Стояла ночь – зелёная вода.
Я слушала невнятный шёпот крови.
И неотступно, словно невода,
Метанье звёзд преследовали кроны.

Я распахнула в глубину окно:
Струилась кровь, и речь её звучала,
Как будто бы стекавшая на дно,
В магическое, зыбкое начало.

Я знаю всё, что я хочу сказать.
Но речь её была такая мука,
Что никакою силой не связать
Могучий ток неведомого звука.

* * *

Теченье донных трав, подобное дыханию,
Не отпускает взор; так ветер льстится тканью
Легчайшего плаща: коснётся – и отпрянет,
Весь в лепестках цветов и ароматах пряных.

Теченье донных трав, подобно заклинанию,
Не отпускает слух; так шелестом за тканью
Наивно поспешать: она скользит без звука,
Прохладой голубой обманывая руку...

Теченье донных трав, подобно ожиданию,
Не отпускает прочь – но обещает тайну.
Они текут, текут: отныне и донныне...
Опомнишься – зима. Оглянешься – пустыня.

* * *

Вспомнил – и промолчи,
Вздрыгнул – и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.

Искрами бьёт по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест – из других, похоже...

Песенок не поют,
Мёда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют –
То-то травы поляжет!

* * *

Ресницам – сна! Приходит тайный час,
Спадает жар, истаивает шёпот –
Одна тоска своим звенящим шёлком
От мира отгораживает нас.

Ресницам – сна! Вслед за рукой твоей
Нисходит ночь, и, наготу скрывая,
Как роза дышит – чёрная, сырая,
И в глубине мерцает – тьмы темней.

Ресницам – сна! На светлых берегах
Мы можем и не встретиться, я знаю.
И ты окаменеешь, вспоминая,
Какой огонь баюкал на руках.

Ресницам – сна, и я останусь там,
В том заресничье, в сладостном заречье,
В той тишине, где слово человечесье
Пугливо жмётся к ласковым устам

КОЧЕВЬЕ

И сон в глазах чернее ночи –
Душа покинула ночлег
И провожает вдоль обочин
Неутолимый плач телег.

Накрыты душною овчиной,
Дыханье пряча, дети спят.
Тяжёлых звёзд полны пучины,
Как яблок августовский сад.

Душа, изгнанница из рая,
Скажи, что значит этот сон,
Где пыль, серебряно мерца,
Легко хрустит под колесом?

Никто вослед им не заплакал –
Подите, коли Бог не спас...
И только гневный чёрный факел
До боли вглядывался в нас.

**НИКОЛАЮ ЯКШИНУ,
С ЛЮБОВЬЮ**

Мы жили в палатке...

Б. Ручьёв

Игра никогда не начнётся сначала.
Нам было так трудно, нас было так мало –
Но сонного утра туманная гладь
Опять расступалась пред нами: играть.
Лихая забава: со смертью – навскидку!
Мы все предпочли недостаток избытку,
Чтоб нечего было в груди избывать,
Когда настагает пора забывать.

Игра никогда не начнётся по новой:
Мир шит окровавленной ниткой суровой,
И каждый шажок – от стежка до стежка –
Царапает ласково исподтишка.
Харон отдыхает: водою забвенья
Мы были умыты за миг до рожденья,
И светят нам в спины не рай и не ад,
А белые лампы родильных палат.

С начала игра никогда не начнётся:
Убитый, влюблённый, хмельной – не очнётся.
Харон отдыхает: мы помним о том,
Что с нами случилось сейчас и потом.
Всей бездною выбора: быть ли нам, или... –
Мы пели, рыдали, клялись и любили,
И всё это будет звенеть у виска:
Сначала игра не начнётся – пока

Мы живы, мы умерли, мы позабыты,
Над нами лежат вековые граниты,
Под нами летят и летят облака...
Сначала игра не начнётся – пока
Не кончатся буквы у Господа Бога,
Пока нас не станет обманчиво много,
Пока мы не скажем друг другу: пора! –
Тогда и начнётся другая игра.

* * *

Август, в покорной листве запропавший,
Август, вишнёвым вареньем пропахший,
Яблочный Спас, золочёная медь,
Горлышко, пробующее петь
Слабую песенку, слов не имея,
Тая, смущаясь, на взлёте немея...
Август – на пряный его аромат
Поналетят, зажужжат, загремят
Страстные и равнодушные осы,
Смуглые, влажно ворчащие грозы –
Те, что охотились до Ильина,
Черпая смуту от самого дна...
Тонкий дымок листопадного вкуса,
Пар, над кастрюлей клубящийся густо –
Можно варенье мешать черпаком,
Пеночку слизывая тайком,
Яблоко грызть или в воду глядеться –
Глупая девочка, сладкое деревце...

* * *

В смертельный провал, где чёрные единороги
Смеются и говорят человеческим языком,
Из тех, кто живёт, заглядывали немногие,
Но память их будет крепко спать под замком.
Мне довелось, в спутники взяв Морфея,
Пройти по глинистой осыпи над водой
Достаточно высоко, но ветер повеял
Озоном, жертвенной кровью, вечной бедой.
Они говорили о чём-то почти понятном,
Их речь не имела смысла, но чернота
Всходила из рыжей воды, как смертные пятна.
Морфей держал меня за руку и читал
Древнее заклинание тьмы и света,
Опору дающее в воздухе для стопы.
Потом он сказал: «Но лучше забыть об этом».
Потом он вернул меня в дом
и прикрикнул: «Спи!»
В соседних домах ещё не светились окна.
Воскресное утро тянулось издалека
Медлительным караваном снегов. И только

Наивная память обратно меня влекла:
Так няньку за руку тянет дитя, не зная,
Что дымная прорубь из яви в бездонный сон –
Сквозная дыра во времени. Боль сквозная.
И кто забывает об этом – уже спасён.

* * *

Во тьме случайного ночлега
В глухом предчувствии беды
Душа у Бога просит снега,
Чтоб он засыпал все следы.

Я прислонюсь к холодной раме:
Как хорошо, что есть приют,
А там, за ветхими дверями,
Слепые ангелы поют.

Огонь в печи воздел ладони
И замирает, трепеща,
И на серебряной иконе
Подхвачен ветром край плаща,

И длится, длится тайный праздник,
Душа пирует налегке,
И лишь свеча всё время гаснет
На неподвижном сквозняке.

* * *

А.К.

Так тигр подходит к бабочке, смеясь
И в первый раз пьянея на охоте...
Он осторожно втягивает когти:
Откуда эта радужная вязь,

Откуда эта пряная пыльца
И воздуха неуследимый трепет?
Он морщит нос и любопытство терпит,
Как терпят боль, пощады не прося.

Он тянется, дыхание тая,
Он видит всю её, почти не глядя,
В разлёте крыл, как в крохотной тетради,
Прочитывая буквы бытия.

Потом уходит, мягок и тяжёл,
Своей кровавой славе потакая,
Легко угрюмый воздух обтекая,
Запоминая то, что он прочёл.

Она живёт ещё какой-то час,
Ещё какой-то век своей свободы,
Со всей великой библией Природы
Одною этой встречею сочтась.

* * *

Когда в распахнутый закат,
 в Господень улей
Два белых ангела летят в тревожном гуле,

Глубоко в небе выводя две параллели:
Финал растраченного дня,
 конец апреля, –

Тысячелетняя тоска любви и света
Бьёт прямо в сердце,
 как река о парапеты.

Венецианская вода бессмертной жажды
Нам отвечает: никогда! –
 на все «однажды...»

И сердце плещется не в такт – ладони ранит,
И всё обманчиво,
 да так, что не обманет.

* * *

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Расшатывая окоём
В смятенье яростном своём!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлёт
На берег, полный сбитых звёзд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратуя: услышь его! –
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мёртвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки – невподым...

* * *

...Издали – как чужая –
Но до мельчайших трат
Я знаю тебя, я знаю,
Как будто прошла стократ

Парадом твоих безумий
В лохмотьях твоей парчи –
В те поры, когда Везувий
Возвысился в палачи

И в жажде не кровной мести,
Но права вершить закон
Облизывал соль созвездий
Пылающим языком...

* * *

Переживя глухое бездомье,
Вёрсты тоски,
Берёшь ли нынче крошки с ладони,
Пьёшь из горсти?

Званная столькими именами –
Всё ль налегке?
Таешь ли, словно заря в тумане,
Снег в молоке?

Да, неизменно, по-детски робко,
Пряча лицо,
Ни одного не забыв урока –
Любишь, и всё.

Ибо восстанут они из праха –
Пепел грести,
Где же им будет прильнуть без страха
К свету в горсти?

* * *

...И кровь моя бежит по двум кругам,
Просвечивая розовым и синим
Сквозь кожу, и, накапливая силу,
Спокойно дышит, словно ураган.

Оглянешься – становится светлее:
Как за стекло огонь, заключена
Она во мне, и с лёгкостью челна
По тайным двум кругам я проплываю ею.

Но иногда, взрывая свет земной,
Влекомая каким-то грозным всплеском,
Она взлетает валом королевским
И вздрагивает алой глубиной:

Земной предел уже неразличим,
Не названное говорит названья,
И заслониться нечем от сиянья,
Идущего из пламенных пучин...

Единственный огонь из всех огней,
Способный озарить собою сферу,
В которой мы живём, испытывая веру
И многократно утверждаясь в ней.

* * *

От приобоя тьмы до её истока
Лишь одна звезда – низко и далёко.

Горькое тепло опалает губы.
Зеркало твердит: на тебе лица нет...
Тишина черна, словно плащ Гекубы –
Но одна звезда вдалеке мерцает.

Нежная сестра, ясная лампада,
Розовый огонь радости вечерней!
Лишь бы ты была, лишь бы не пропала
В пепле и золе мировых кочевий!

Страх преодолев, прыгнуть на колени,
Ветви протянуть и расправить листья,
Корни ощутить, а через мгновенье
Ветер налетит – всласть наговоримся.

Содержание

О, эта жизнь захватывает дух	4
В терпких, вороньих, ворованных сумерках	5
Внезапный снегопад остановил часы	6
Русское солнце, дорожное, скудное светом	7
Никакая рука – только сердце удержит поводья	8
Ива как люстра сияет усталому небу предместья	9
Непогода пришла как отряд батеньки Махно	10
В печали ты ясна, а в радости жестока	12
Сквозная память, тайная беда	13
Тает воск от лица огня	14
Выходя из маршрутки у базара или вокзала	15
Ещё в осеннем	16
Пади, вечерняя роса	17
ДРАХМА	18
Однажды в горы уходят последний раз	20
ГОСТИ	21
Если ткань собирается в складки небрежно и нежно	22
Морщинка меж бровей: не прекословь	23
ОХОТНИКИ НА ХИМЕР	24
Июль, расхристанный под грозами	31
Останься – ведь любишь, останься хоть жилкой	32
Покуда нет в тоске таинственного брода	33
Город холодом набит	34
Ребёнок рябины, веснушчатый, ломкий	35

Когда это было, в каком году и в каком бою	36
Холодно сердцу, не видно ни зги	37
Июльский ливень лип, рискующий пролиться	38
На том берегу Юрюзани	39
Стояла ночь – зелёная вода	40
Оплывает апрель, подсыхает слюда на губах	41
Теченье донных трав, подобное дыханью	42
Вспомнил – и промолчи	43
Ресницам – сна! Приходит тайный час	44
КОЧЕВЬЕ	45
НИКОЛАЮ ЯКШИНУ, С ЛЮБОВЬЮ	46
Как наивно тоска называет себя тоскою	48
Август, в покорной листве запропавший	49
В смертельный провал, где чёрные единороги	50
Во тьме случайного ночлега	52
Так тигр подходит к бабочке, смеясь	53
Когда в распахнутый закат, в Господень улей	54
Смотрите, спящие, смотрите же	55
...Издали – как чужая –	56
Переживя глухое бездомье	57
Пасхальный сухарик, посыпанный сахарной крошкой	58
...И кровь моя бежит по двум кругам	60
От приборя тьмы до её истока	61

© Verlag «STELLA»
Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +49 (0) 7031 4282498
ISBN 978-3-944121-10-9

9 783944 121109